

Марджери
Эллингем

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ
МИСТЕРА КЭМПИОНА
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

« А З Б У К А »

Расследование ведет Альберт Кэмпиион

Марджери Эллингем

**Удачный день мистера
Кэмпiona и другие истории**

«Азбука»

1930-1940

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Эллингем М.

Удачный день мистера Кэмпiona и другие истории /
М. Эллингем — «Азбука», 1930-1940

ISBN 978-5-389-34129-6

Марджери Луиза Эллингем – английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа». Раскрытие очередного убийства инспектору уголовной полиции казалось делом решенным – до того момента, когда на месте преступления появился его друг Альберт. Сразу же выяснилось, что у единственного подозреваемого железное алиби, а настоящий злодей не оставил следов. Но возможно, в этот раз на выручку сыщику-любителю придет чистой воды везение?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34129-6

© Эллингем М., 1930-1940
© Азбука, 1930-1940

Содержание

Он о вас спрашивал	6
Женщина-варвар	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марджери Эллингем Удачный день мистера Кэмпiona и другие истории

Margery Allingham

MR. CAMPION'S LUCKY DAY

Copyright © 1973 by International Literary Properties UK Limited, through its subsidiary
Worldwritres Holdings Limited

He Was Asking After You, 1936; The Barbarian, 1939;

Mr. Campion's Lucky Day, 1945; 'Tis Not Hereafter, 1946;

The Correspondents, 1937; He Preferred Them Sad, 1937;

The Unseen Door, 1945; Bird Thou Never Wert, 1973;

The Same to Us, 1934; She Heard it on the Radio, 1973;

The Secret, 1973; A Quarter of a Million, 1973; The Pioneers, 1973;

The Sexton's Wife, 1934; The Wink, 1934

This edition is published by arrangement with

The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Он о вас спрашивал

Дорнфорд убил Феллоуза где-то в далекой Австралии. Поступок этот, безусловно, заслуживает осуждения, но случившееся было особенно отвратительно еще и потому, что они приятельствовали, а убийство произошло ради выгоды.

Я знал их обоих. Они учились в той же подготовительной школе, что и мой брат Джордж, и все трое в один год поступили в Лэйер. Дорнфорд, низкорослый, можно сказать, плюгавый парень с бледно-голубыми навывкате глазами, обладал способностью внушать ужас, то есть это был реальный дар свыше. Лично я другого такого типа в жизни не встречал.

По итогу он выбрал для себя медицину, но, хоть и получил диплом, никогда не практиковал, так как был совершенно к этому непригоден. Те непродолжительные периоды времени, когда Дорнфорд работал врачом на подмену, можно назвать чередой катастроф.

В нем прочно поселился страх, который подпитывался неподдельной боязнью бедности, что печально, поскольку его личные средства составляли менее трехсот фунтов в год.

Феллоуз был полной противоположностью Дорнфорда: крупный, смуглый, физически сильный мужчина, который всегда знал, чего хочет, и уверенно шел к поставленной цели, что даже пугало, учитывая его энергию. Плюс ко всему Феллоуз имел около полутора тысяч фунтов годового дохода и стремился к полной приключений карьере.

Вряд ли кто-то мог сказать, почему Феллоуз терпел при себе Дорнфорда. Мое же мнение таково: большой сильный парень еще в школе взял под свое крыло мелкого страшноватого мальчишку, а потом забота о нем просто вошла у него в привычку.

Как бы то ни было, после окончания школы Дорнфорд повсюду таскался за Феллоузом, едва ли не паразитировал на нем, но он был слишком мелкой и блеклой личностью, чтобы его можно было счесть за помеху для продвижения вперед.

С годами Феллоуз проникся симпатией к Дорнфорду, ну или в каком-то смысле стал нуждаться в его компании. Но при всем этом остается неясным, как так вышло, что они вдвоем отправились в австралийский буш.

В какой-то момент Феллоуз вдруг заинтересовался обычаями племен аборигенов и решил лично заняться их изучением. И Дорнфорда он взял с собой, вероятно, потому, что тот жил с ним в ту пору, когда планировалась экспедиция. А быть может, просто решил, что Дорнфорд ему пригодится в качестве ответственного за походную аптечку.

И вот в один прекрасный день они выдвинулись в экспедицию из Аделаиды, а Феллоуз из той экспедиции так никогда и не вернулся. Умер от укуса змеи.

Дорнфорд по возвращении объяснял это тем, что у них не оказалось необходимой для такого случая сыворотки, и в результате, несмотря на все его героические усилия, «бедный друг скончался».

Тогда разразился настоящий скандал, и его причиной были жуткие истории, которые поведали вернувшиеся из той экспедиции носильщики. В этих историях они описывали, как Феллоуз, испытывая нечеловеческие муки, взывал к своему другу о помощи, а Дорнфорд с закрытыми глазами сидел, зажав уши ладонями, и пот струился по его лицу. Нашелся даже тот, кто утверждал, будто у Дорнфорда была та самая сыворотка...

Как бы там ни было, однако, невзирая на вскрывшуюся информацию, Дорнфорд благополучно вернулся в Англию, а уж потом всплыл довольно неприятный для него факт: оказалось, перед тем как отправиться в экспедицию, эти двое составили завещания в пользу друг друга.

По версии Дорнфорда, Феллоуз знал о том, что экспедиция в буш Австралии сопряжена с риском для жизни, и сам настоял на такого рода страховке «просто на всякий случай». Ему никто не поверил, но и перспектива публичного скандала никого не привлекала, а родственники Феллоуза были людьми состоятельными.

От Дорнфорда почти все отвернулись, но ему, похоже, было на это наплевать. Он получил доставшееся от Феллоуза наследство и поселился в соседней с нашей деревне, в чем, вообще-то, не было необходимости, потому как у нас в округе полно деревень, где можно очень даже уютно обосноваться.

Мы с братом часто встречали его в нашем рыночном городке, и поскольку ссориться с соседом – удовольствие сомнительное, да и вообще как-то глупо, поддерживали с ним знакомство.

Первое письмо пришло из Мельбурна.

Дженкинсон, который учился с Дорнфордом и Феллоузом в университете и в течение нескольких лет время от времени переписывался с ними по разным поводам, адресовал ему одно из своих редких посланий.

Письмо это было написано в характерном для проживающего на чужбине одинокого британца стиле, который мы могли бы назвать так: «А помнишь?..» Один из абзацев настолько встревожил Дорнфорда, что он даже нанес визит моему брату с целью его зачитать.

– Вот что он пишет: «Кстати, сегодня повстречал на улице старину Баки Феллоуза. Он сказал, что занят какими-то изысканиями, не мне судить, что это значит, а под конец нашей беседы спросил о тебе...» – Дорнфорд, указывая пальцем на этот абзац, даже слегка позеленел и начал таращить и без того выпученные бледно-голубые глаза. – Он, наверное, встретил какого-то другого человека, верно ведь? Этот Дженкинсон, он просто балабол, постоянно все путает, да?

Мы с братом как будто призадумались, припоминая Дженкинсона, а потом, хоть и с некоторым сомнением, согласились:

– Да, пожалуй, он мог что-то напутать.

После чего успокоившийся Дорнфорд вернулся в свой коттедж, не знаю уж какого века постройки, но определенно не двадцатого.

Второе письмо пришло из Коломбо. Дорнфорд не говорил нам о нем несколько дней, а когда наконец решился это сделать, постоянно нервно хихикал.

– Это от миссис Уэнтворт. Она – жена полковника, которого в свое время знал мой отец.

Мы ознакомились с письмом в полной тишине. Ничего особенного, если не считать постскрипума.

Привожу дословно:

Р. С. Во время плавания встретили на борту одного весьма интересного человека. Похоже, он Ваш старинный приятель. Некий мистер Бьюкенен Феллоуз. Он о Вас спрашивал.

– Какое странное совпадение, не находите? – в очередной раз хихикнув, спросил Дорнфорд. – Два человека совершают одну и ту же глупую ошибку. Мы похоронили Баки в Австралии, вы ведь в курсе? Глубоко закопали под одним из тамошних клубневидных деревьев. Огромное такое было, ветки, как змеи... Я даже сейчас, как закрою глаза, четко его вижу...

В этот момент Дорнфорд был особенно неприятен, и Джордж попросту отвел его в сторону и напоил.

После почти на два месяца воцарились тишина и спокойствие. У Дорнфорда был небольшой красный автомобиль, и мы пару раз «имели удовольствие» видеть его за рулем. И всегда он был несколько бледен, впрочем, он никогда и не принадлежал к разряду румяных здоровяков.

Третье письмо пришло в один из очень жарких июньских вечеров. Мы как раз устроили небольшой прием, и тут позвонил Дорнфорд с настоятельной просьбой о том, чтобы мой брат как можно скорее к нему приехал. Джордж стремглав мчаться на зов отказался, но пообещал приехать в тот же вечер позже.

В результате Дорнфорд задолго до назначенного часа встречи сам подъехал к нашему дому. Прибыв, он укрылся в кабинете брата, и Джорджу пришлось оставить гостей, чтобы уделить ему внимание.

Я, будучи по натуре любопытным, спустя несколько минут после приезда Дорнфорда как бы между делом прогулялся до кабинета брата, где их обоих и застал.

Они внимательнейшим образом читали некий написанный на тонком листе бумаги текст. У Дорнфорда был такой вид, будто он чем-то отравился, да и Джордж выглядел ненамного лучше и определенно казался весьма встревоженным.

Письмо это было от дяди Дорнфорда, а написал он его во время круиза по Средиземному морю и отправил из Порт-Саида.

Итак, отрывок из того письма:

Как тесен мир! Прогуливаюсь я по улице в далекой стране, населенной людьми всех национальностей и самых разных вероисповеданий, и вот поди ж ты – встречаю твоего старинного приятеля! Он вспомнил меня, потому как, бог знает сколько лет назад, не припомню когда, видел, как я выступал на Всемирном дне речи¹.

Мы обменялись визитками, вернее, это я дал ему свою. У него самого визиток не оказалось, потому как он давно не был дома. Представился он как Бьюкенен Феллоуз. Если не ошибаюсь, так звали твоего друга, который умер в Австралии. Мне показалось неудобным спрашивать того человека, не является ли он родственником твоего приятеля. Но он поинтересовался, как ты поживаешь...

Мы с братом попытались, как могли, успокоить Дорнфорда, но, признаюсь, это было нелегко.

– У Баки, вероятно, был брат, – без особой уверенности в голосе предположил Джордж. Дорнфорд криво улыбнулся и посмотрел на него совершенно пустыми от страха глазами.

– Он был единственным сыном своей матери, а его отец... он... он давно умер.

После этого разговора мы с ним распрощались и он уехал домой. Но естественно, забыть о его визите мы никак не могли, потому как в каждом из полученных им писем звучала некая жутковатая тревожная нотка, которая как заноза застревала в сознании того, кто их прочитал.

В общем, на следующее утро мы с Джорджем отправились к Дорнфорду в коттедж и час или около того потратили на то, чтобы как-то его приободрить. Получалось, правда, не очень.

– Это какой-то розыгрыш, кто-то просто хочет вас напугать. И, думаю, этот кто-то знал вас по Австралии... – Я старался говорить убедительно, но к концу фразы сам сник, а мелкое ничтожное существо, то есть Дорнфорд, закрыло лицо ладонями.

Джордж, поморщившись, сердито на меня зыркнул. Не представляя, что делать дальше, мы с ним стояли посреди небольшой, тщательно прибранной комнаты, разглядывая со всех сторон окружавший нас поддельный антиквариат и медные бирмингемские статуэтки.

В коттедже, где поселился Дорнфорд, парадная дверь открывалась прямо в главную комнату, таким образом, когда почтальон опустил письмо в специальную щель на двери, оно упало прямо на ковер неподалеку от наших с Джорджем ног.

Дорнфорд, услышав звук падения, убрал ладони от лица и тупо уставился на серый конверт, поднимать который явно не собирался. Он задрожал всем телом, а его малосимпатичное лицо при этом абсолютно ничего не выражало.

К своему немалому удивлению, я понял, что сам немного побаиваюсь этого письма.

В итоге конверт поднял с пола Джордж.

¹ *Всемирный день речи (Speech day)* отмечается ежегодно 15 марта в честь «выступлений и ораторского искусства в рамках мероприятий по всему миру».

– Мне кажется, неплохо было бы его прочесть, – сказал он, передавая письмо Дорнфорду. – На мой взгляд, у вас шалют нервы и вы склонны все драматизировать, в то время как письмо, возможно, не имеет никакого отношения к волнующей вас теме.

Дорнфорд скрюченными от напряжения пальцами взял конверт.

– О, это от моей... от моей... старой няни, – запинаясь, пробормотал он. – Такая милая старушка. Думаю, она... искренне меня любит.

Пробормотав все это, Дорнфорд дрожащими пальцами надорвал конверт, потом еще и еще, наконец вскрыл и достал письмо. Размашистый и по-старомодному витиеватый почерк заметно его приободрил.

– Она... – несколько рассеянно произнес Дорнфорд, – она живет в Саутгемптоне.

– В Саутгемптоне? – отрывисто переспросил я и тут же, пожалев о том, что вообще подал голос, прикусил язык.

Дорнфорд выпучил на меня глаза.

– Саутгемптон, – прошептал он. – О боже, Саутгемптон – порт, где он сошел бы на берег. Прочтите, Джордж. Прочтите это вслух.

Мы с братом оба почувствовали себя неловко, но Джордж все-таки взял письмо и, прежде чем начать читать, громко откашлялся.

В жизни не слышал, чтобы он так плохо читал.

Это было самое обыкновенное письмо, которое могла написать доброжелательная и даже любящая старушка, но на середине второй страницы Джордж добрался до пассажа, который мы все в той или иной степени ожидали услышать.

– «А еще, мистер Джонни, считаю нужным сообщить вам, что сегодня утром я повстречала на улице – кого бы вы думали? Молодого мистера Баки Феллоуза! Как мне показалось, он был очень рад меня видеть, но отказался ко мне заглянуть, хоть я его и приглашала. Признаться, выглядел он неважно, как по мне, в таком состоянии лучше бы оставаться в постели. Он же сказал, что в тех краях, откуда вернулся, трудно сохранить здоровье, что и подтвердило мои подозрения. И кстати, он о вас спрашивал...»

Тут Дорнфорд мелкими шажками подбежал к Джорджу и из-за его плеча посмотрел на исписанный листок.

– Число вчерашнее, – просипел он. – Вчера в Саутгемптоне... А сегодня... г-где?

Мы с братом начали всерьез подозревать, что Дорнфорд сходит с ума. Он забаррикадировался в своем коттедже и, несмотря на наши протесты, разжег камин и уселся перед ним греться. Дело было в июле, но он сказал, что мерзнет.

Джордж как мог пытался повлиять на ситуацию.

– Послушайте, Дорнфорд, – решительно проговорил он, – всему этому должно быть логическое объяснение. Я сегодня же вечером отправлюсь в Саутгемптон и повидаюсь с этой пожилой леди. Она либо ошибается, либо ее кто-то ввел в заблуждение. И кстати, почему бы вам не поехать со мной?

Однако Дорнфорд был слишком напуган, чтобы выйти за порог дома, и в итоге Джордж тоже никуда не поехал... А с вечерней почтой пришло пятое письмо.

Это было от девушки, которую мы все знали, так что не считаю нужным упоминать ее имя.

Приведу лишь несколько абзацев, в нашем случае имеющих значение:

Сегодня утром на Бонд-стрит повстречала Баки Феллоуза. После стольких лет было так чудесно снова увидеть этого милого старикана. Он, конечно же, очень изменился, но я уверена, что возвращение домой пойдет ему на пользу.

Я так удивилась, когда его увидела (какой-то идиот сказал мне, что он умер), и боюсь, что вела себя несколько бесцеремонно. Вы же понимаете, мы все, когда взбудоражены, можем вести себя не очень вежливо.

Если с ним повидаетесь, передавайте от меня привет и скажите, что я буду рада, если он как-нибудь со мной свяжется. Я никогда его не забывала. И он спрашивал о Вас...

Кроме этого, Дорнфорд получил еще одно письмо. Оно пришло, вернее, было доставлено на следующий день, как раз в то время, когда старика навещал Джордж. Послание было коротким, отправитель – Эндрюс, арендодатель «Физерс», и, что важно, тема оказалась все той же:

Добрый день, уведомляю Вас о том, что некий джентльмен интересуется адресом вашего нынешнего проживания. Имя джентльмена – Б. Феллоуз. Желаете ли Вы, чтобы я сообщил ему Ваши координаты?

Искренне Ваш,

Б. Эндрюс

Дорнфорд, ознакомившись с содержанием письма, начал что-то быстро и невнятно бормотать, и Джордж, желая хоть как-то его успокоить, вместе с посыльным отправился в «Физерс», чтобы лично расспросить возможного автора этого розыгрыша.

Однако никакого автора розыгрыша он там не застал. Эндрюс сказал, что принял письмо от неизвестного мужчины в гостиную, где оставил того ненадолго одного, а когда вернулся, тот словно бы испарился. Единственное описание, которое он дал тому типу, – седой джентльмен.

Больше Дорнфорда мы никогда не видели. Живым уж точно нет.

Когда Джордж возвратился из «Физерс», Дорнфорд лежал ничком на ковре возле камина. Старина Мидоуз, наш местный врач, проведя посмертный осмотр, вынес простой вердикт – остановка сердца.

Конечно, после такого неожиданного финала мы испытали шок, но не сказать чтобы были убиты горем. Дорнфорд при жизни не являлся особенно приятным человеком, так что и смерть не сделала его для нас хоть сколько-нибудь более симпатичным.

Похоронили его на деревенском кладбище и весьма скромно. О церемонии не было объявления в местной газете, я уж не говорю о какой-нибудь из лондонских.

Тут в истории Дорнфорда можно было бы поставить точку, если бы не одна маленькая и весьма любопытная деталь. Спустя два дня после похорон я получил письмецо от моей весьма легкомысленной приятельницы, художницы-модельера Мейзи Филдинг. И написала она его в один из своих коротких визитов из родного Парижа к нам, в Лондон.

Так вот, после весьма сумбурного содержания самого письма последовал постскриптум:

P. S. Представляете, дорогой мой, шла я недавно по Хаймаркет² и кого бы Вы думали повстречала? Да-да, ту самую парочку. Как всегда, в сцепке: первым шествовал Баки, а его приятель семенил сзади, цепляясь за фалды пальто своего лидера. Они так торопились, что было бы глупо пытаться их остановить. И вообще, один Бог знает, куда они так спешно направлялись...

² Хаймаркет – улица в центре Лондона, на которой находится несколько театров.

Женщина-варвар

Эта великолепная идея зародилась в сознании нашей героини Эльфриды в день ее девятнадцатилетия, и девушка с готовностью принялась ее вынашивать. То есть все, что случилось после, проистекало именно из той идеи и решимости не отступить от нее ни на шаг.

В девятнадцать Эльфрида уже была прекрасна, но не по канонам того времени. Представьте: девушка пяти футов одиннадцати дюймов ростом; полногрудая, с прямой спиной; золотистые и длинные – до пояса – густые волосы; четко очерченный овал лица; лоб широкий и гладкий; нос прямой, длинный и безупречный, как лепестки камелии; идеальный изгиб тонких бровей и глаза... Она смотрела на людей гордо и в то же время просто и открыто.

Луис Фиш, горбатый поэт, когда увидел ее впервые, сразу сказал: «Северная королева». По его словам, уже в ту пору было в ней нечто царственное – отчужденность, величавость и еще некое дыхание севера.

Этот маленький горбун обладал даром видеть подобные вещи и всегда точно указывал на них своим скрюченным пальцем.

О да, север там точно был. За этой красотой притаились тьма и варварское богоподобие севера. Именно там, во льдах, а не на томных от солнца землях, рождается раскаленная добела страсть.

Окружение Эльфриды – легкомысленные, остроумные и довольно поверхностные мужчины, и она возвышалась над ними во всех смыслах этого слова. Ее сильное красивое тело превосходило их физически, точно так же как и ее странный для современной цивилизации разум и варварская душа превосходили их по всем остальным показателям.

Эльфрида была лишена жалкого блеска своих современников, этих искорок мелких драгоценных камней, а ячейки сетей ее мозга оказались слишком широки, чтобы улавливать и задерживать подобную золотую рыбешку. В ней жила первобытная женщина, и это чувствовали все мужчины. Они просто не могли перед ней устоять – один за другим делали ей предложение руки и сердца.

Было время, когда поговаривали, будто Эльфрида ответила отказом всем хоть скольконибудь достойным мужчинам из своего окружения. И при этом никто не винил ее за такую разборчивость и уж тем более не называл глупой. Люди, конечно, недоумевали, но не более того.

Фиш – вот кто раскусил сей орешек. Это у него случилось озарение, и он понял, в чем была захватившая Эльфриду идея или, вернее, идеал, к которому она так упорно стремилась.

Как-то в одной компании, когда его собеседники в который уже раз обсуждали все ее отказы, он сказал:

- Она просто ждет того, кто будет ей под стать.
- Да, ее мать тоже определенно обеспокоена ее статьей, – хихикнул какой-то остроумец.
- Боюсь, ты меня неправильно понял, – усмехнулся Фиш. – Я ведь говорю на английском.

Поэтому для непонятливых повторю: она ждет мужчину, который будет ей равен. Равен настоящему. Вот в чем ее идея.

И как только Фиш озвучил свою догадку, для всех это сразу стало очевидным.

– Да, она ждет бога, – продолжал развивать свою мысль Фиш. – Бедная Северная королева, она родилась не в свое время. Этот мир для нее слишком цивилизован, слишком перенаселен. – Его с мелкими чертами лицо морщилось, а темные глаза словно бы светились изнутри. – И, боюсь, она будет ждать своего короля вечно. Очень сомневаюсь, что нынешний век вернет нам хотя бы одного заблудшего олимпийца из тех благословенных времен.

– Но, Фиш, что бы ты там ни говорил о богах или каких-то там совпадениях, она отказала половине самых лучших парней города, – заметил сидевший в кресле у камина Мейер.

– Согласен, и одна половина из них на голову ниже ее, – не задумываясь парировал Фиш. – А вторая половина настолько замороженные, что не способны уловить простой ход ее мыслей. Она раз в пять превосходит их физически, и я не думаю, что кто-то, кроме Тинна, того молодого бойца, сможет сбить ее с ног.

Мейер, услышав такое, рассмеялся.

– Мальчик мой, – сказал он, – это Англия, мы в Лондоне, и на дворе двадцатый век. Нынче муж, чтобы оставаться мужем, не обязан обладать силой сбить жену с ног.

– Господи, разве ты не видишь, что Эльфрида – дочь другого века?! Не нашего, это понятно? – Фиш начал злиться, у него даже рот стал кривиться весьма неприятным образом. – Она появилась на свет не в свое время, она принадлежит к эпохе богов и героев. Эльфрида – женщина-варвар, но варвар благородный и незлобивый. Она понимает, что живет в мире, который чересчур мелок и не в меру для нее аффектированный. Точно так же как позолоченные кресла в жуткой гостиной ее матери слишком малы и изящны для дочери, чтобы она могла удобно в них расположиться. Таким же образом и все идеи, все остроумие и даже модные костюмы и цинизм влюбленных в нее мужчин слишком для нее филигранны и затейливы, чтобы завладеть ее вниманием или хоть сколько-нибудь надеяться на ее понимание. Она во всех смыслах непомерно для них велика, вот и всё.

– Если так, чертовски жаль, – сухо подытожил Мейер. – Потому как, если она будет продолжать в том же духе, вряд ли при этой жизни найдет себе мужа.

– А вот лично я предпочел бы видеть ее мертвой, нежели замужем за неудачником. – Фиш произнес это тихо, но по его тону было очевидно, что он если не по уши, то наполовину влюблен в Эльфриду. – Да, при таком раскладе я бы предпочел видеть ее мертвой! – повторил он. – Это ее идея фикс, идеал, который она сама для себя выбрала. Эльфрида знает, она уверена, что если найдет себе пару, мужчину, который интеллектуально, физически и духовно будет идеально ей соответствовать, тогда ничто не сможет им помешать, они сметут все преграды на своем жизненном пути. Обретя друг друга, они станут идеальным продуктом Земли, ее естественными повелителями. Уверен, Эльфрида и сама прекрасно это понимает. Она спокойна и честна с собой, она просто ждет, когда появится тот, кто ее дополнит, и, пока ждет, методично дает от ворот поворот всем, кто соответствует ее идеалу всего лишь на три четверти. – Фиш на секунду умолк, а потом с горечью в голосе добавил: – Увы, некоторые из нас не смогли бы дать ей даже эти три четверти. – И снова в его голосе прозвучали нотки, которые заставили остальных в гостиной внимательнее к нему присмотреться.

Фиш покраснел, отчего его смуглое лицо стало темнее обычного, и глаза как будто налились кровью и неестественно заблестели.

Вскоре Фиш покинул компанию приятелей, и они после его ухода в пух и прах разнесли его теорию. Но он был прав: Эльфрида ждала, ждала равного ей мужчину.

И этот мужчина появился, причем совершенно неожиданно для всех. Просто в один прекрасный день Эрик Понсоби, который тоже служил в гвардии, взял его с собой в качестве гостя в дом на Одли-стрит.

Мейер был свидетелем их знакомства и после описал, как все произошло. Он, то есть Мейер, был одним из окружавших Эльфриду поклонников и располагался в гостиной лицом к двери, сама Эльфрида сидела возле окна на одном из стульев с высокой спинкой.

И вот входят Эрик с Викерсом.

Мейер признался, что и сам впечатлился внешностью этого молодого мужчины. А как иначе? Парень был потрясающе красив: высокий, даже не высокий, а высоченный; мускулистый, но при этом поджарый и гибкий, ну и плюс ко всему белокурый. Он производил впечатление умного человека, а еще у него были широкий, четко очерченный рот и прямой взгляд.

Эрик подвел его к Эльфриде, поздоровался и представил своего приятеля.

Позже Мейер говорил, что вряд ли забудет то, как она изменилась в лице, когда увидела этого самого Викерса. Он готов был поклясться, что Эльфрида ахнула и округлила глаза. Большинство из тех, кто оказался в тот момент рядом, подумали, что эти двое были знакомы, но нет, они никогда прежде не встречались, во всяком случае в этом мире.

Викерс, по словам Мейера, сначала как будто немного удивился, но через секунду-другую был поражен не меньше самой Эльфриды. Да, она сразила его наповал.

В общем, он сел напротив нее, и они разговорились, совершенно позабыв о присутствующих в гостиной. Все это произошло самым естественным образом, как будто иначе и быть не могло. Они просто влюбились друг в друга на глазах у всех, открыто, как влюбляются герои в операх.

Неделю спустя было объявлено о помолвке, и на Эльфриду обрушились звонки с поздравлениями.

Луис Фиш, как только об этом узнал, так возбудился, что готов был горы свернуть, лишь бы познакомиться с Викерсом. А когда его увидел, вроде как испытал облегчение, но в то же время удивился или, точнее сказать, изумился. Обменявшись с Викерсом парой слов, он поздравил того с помолвкой и удалился, вздыхая и улыбаясь про себя.

Таков уж он был, наш поэт-горбун.

А что Эльфрида? Скорее всего, она даже его не заметила. Ее крупное и стройное тело, казалось, было охвачено любовным пожаром, а ее взгляд, ее губы... Да, Эльфрида всегда была гордой, но теперь, пребывая во власти любви, будто бы воспарила, величаво взирая на людей у своих ног. Она словно цветок росла в ожидании любви и вот теперь, встретив возлюбленного, расцвела и явила себя миру, всю до последнего совершенного лепестка.

А Викерс? Он постоянно был рядом с Эльфридой, любовался ею, в то время как другие, более мелкие представители мужского рода, его бывшие соперники, окружали их, завидовали им и не переставали ими восхищаться.

В день свадьбы в часовне было не протолкнуться.

Когда после церемонии Эльфрида с Викерсом шли к алтарю, у многих гостей на глазах выступили слезы. Так простые люди готовы прослезиться, если вдруг становятся свидетелями невиданной ими прежде красоты.

Мужчина и женщина – идеальная пара. Она в белом платье, таком, какие носили дамы в Средние века, с волосами, туго заплетенными в косы и уложенными вокруг головы, шла рядом с женихом с гордо поднятой головой. Глаза у нее сияли. Как говорил позже Фиш, это Северная королева шествовала рука об руку со своим королем.

В военной форме, без тени нервозности, Викерс доминировал. Да, он доминировал, но не подавлял Эльфриду. Ее красота и достоинство оставались при ней, но все понимали, что он ею завладел, а она ему отдалась.

– Господь допустил сей брак, дабы восстановить веру людей в этот мир, – заметил тогда Фиш.

По возвращении из свадебного путешествия молодожены сняли дом неподалеку от Портман-сквер.

Фиш был околдован этой парой, возможно, потому, что у него не имелось с ними ничего общего, они были далеки от него, как небо и земля.

Между тем любой гость этой пары отмечал, что, придя в их дом, всякий раз замечал там Фиша. Поэт-горбун сидел на какой-нибудь скамеечке, или приступочке, или на корточках, пристроившись в уютном углу, и смотрел на хозяев своими яркими, как у птички, глазами-бусинками.

То «гнездышко» как нельзя лучше им подходило. Представьте: просторные комнаты с внушительными каминами; обшитые дубовыми панелями стены и прекрасные картины в вели-

колепных рамах, среди которых – несколько Брэнгвинов³, одна работа кисти Джона⁴ и еще батальное полотно неизвестного автора. И мебель была просто экстраординарной. По всему видно – они точно заказали ее под себя: все предметы тяжеловесные, из резного дуба и при этом странные для современников, то есть более подходящие для варваров. Если бы вы присутствовали в том доме и видели, как Эльфрида шествует по комнатам в одном из своих простых и при этом облегающих платьев, которым она отдавала предпочтение, у вас точно возникло бы ощущение, что вы в гостях у датской королевы, причем где-то в семнадцатом веке.

И как раз Мейер первым указал на то, что между ними двумя что-то не так. Хотя Фиш наверняка заметил это раньше, просто держал рот на замке.

Так вот, Мейер обратил внимание, как Эльфрида несчастлива, и, более того, отметил, что виноват в этом Викерс. Обосновать свои догадки Мейер не смог, просто потому, что, как и все остальные, пребывал в неведении.

Фиш поведал правду много позже. Он все знал и понимал, потому что любил Эльфриду, довольно часто бывал в их доме, видел, как она борется с собой, и чуть ли не кожей ощущал ее боль, то есть любые малейшие уколы. Да, горбтому поэту с его интуицией воистину следовало родиться женщиной!

Так вот, Фиш сказал, что Эльфрида все поняла про своего избранника уже через три месяца после медового месяца, но еще год умудрялась закрывать глаза на то, что он реально был слабаком.

Никаких особых пороков у Викерса не наблюдалось – он почти не употреблял алкоголь, не увлекался азартными играми и не проявлял особого интереса к женщинам. Но это не говорило о его добродетелях, просто ничто из вышеперечисленного его не привлекало. Этот человек попросту был лишен величия, как и понимания, что есть настоящая дружба. В нем напрочь отсутствовала сила, на которую мы рассчитываем при встрече с настоящим мужчиной. Также не чувствовалось готовности к самоотдаче. Общаясь с Викерсом, вряд ли кто-то мог заподозрить наличие хоть какого-то подобия духовной жизни или даже чего-то вроде умственного прогресса. Другими словами, муж Эльфриды был мелок, слаб, узколоб и в смысле умственного развития, мягко скажем, достоин сочувствия.

Великолепно сложенное тело – вот что при знакомстве с Викерсом рождало мысль о его врожденном благородстве. Однако после некоторого размышления складывалось впечатление, что в момент создания безупречно сложенного, сильного тела разум Викерса оказался принесенным в жертву. Только в этом, физическом смысле красавец и был под стать Эльфриде. Что же касается всего остального, она могла бы выйти замуж за любого другого мужчину и ничуть бы не потеряла, а скорее, наоборот, приобрела.

Фиш был свидетелем любви Эльфриды к мужу, и сердце горбуна разрывалось от боли за нее. Ведь она со всем пылом и щедростью широкого сердца одаривала, прямо-таки захлестывала Викерса любовью, по масштабу соответствующей ее личности и сравнимой разве что с морем со всеми его штормами.

Любой обычный мужчина, даже рискуя потерять ее навсегда, мог бы пусть не твердо, но все же устоять перед этим шквалом или, если хотите, штормом и при этом остаться самим собой. Варвар, подобный, то есть равный Эльфриде, мог бы ответить ей таким же по масштабу чувством, и тогда взаимная любовь унесла бы их к самым далеким и, казалось бы, недостижимым берегам их амбиций. Но Викерс, будучи слабой натурой, не устоял, как не может устоять перед хлынувшей на берег волной замок из песка. И ментально, и духовно он пошел ко дну.

Фиш как-то сказал, что Эльфрида отказывалась принять это, не желала признать, что допустила ошибку и вышла замуж за абсолютно неравного себе мужчину. Эльфрида упрямо

³ Фрэнк Уильям Брэнгвин (1867–1956) – британский художник, колорист и дизайнер.

⁴ Скорее всего, имеется в виду американский живописец Джон Сингер Сарджент (1856–1925).

цеплялась за мысль, что Викерс соответствует ее идеалу, хотя он раз за разом наглядно доказывал, что является лишь оболочкой гиганта, что у него практически нет ни сердца, ни мозга, ни души. Она же заставляла себя не видеть его реального, обманывалась и продолжала высоко держать голову.

Так тянулось довольно долго. Фиш говорил, что наблюдать за происходящим было едва ли не физически больно.

Эльфрида снова и снова давала мужу шанс проявить себя настоящим мужчиной. С присущей женщинам мудростью она придумывала, ну или конструировала ситуации, не такие уж и сложные, которые дали бы Викерсу возможность восстановить ее веру в его величие и силу, а он, естественно, каждый раз ее подводил. Он просто ничего не мог с этим поделать, должен был, но не мог пойти против своей природы.

А Эльфрида была терпелива, терпелива в самом благородном смысле этого слова, и страстно желала найти в избраннике господина, если бы только он ей это позволил.

Фиш стал всему свидетелем. Он рассказывал, как наблюдал за ее борьбой с неизбежным осознанием реальности. Так фанатики до последнего отстаивают свою веру. По его словам, казалось, будто Эльфрида никогда не позволит обстоятельствам одолеть себя. Высоченные волны созданных из мириад мелких фактов обрушивались на нее одна за другой, но она отказывалась быть погребенной под ними.

Как сказал наш поэт – в этом было ее варварство. Именно северное варварство делало ее настолько непоколебимой в своей слепоте.

Эльфрида отказывалась принять поражение. Отказывалась признать шутку, что сыграли с ней боги. Она была преисполнена решимости одолеть судьбу, ниспровергнуть реальность.

Шли месяцы, и борьба становилась все жестче. Казалось, Эльфрида должна, пусть против своей воли, признать поражение, но она продолжала бороться. И, по словам Фиша, каждый день этой битвы делал ее только прекраснее, приближал к идеалу женщины-варвара.

А потом случилось это...

Много лет спустя наступил день, когда Фиш поведал нам то, что знал.

В его довольно пыльном кабинете было тепло и накурено. Если считать с гостями, их было четверо. Хриловатый, с тягучим выговором голос Фиша в уютной атмосфере звучал напряженно.

– Как вы знаете, Викерс умер от пневмонии спустя полтора года после свадьбы, – сказал он. – Эльфрида искренне, всей душой его оплакивала. А я, я вошел в ту комнату, когда состояние Викерса достигло критической отметки и после стало ухудшаться, что и привело к смерти.

Тут Фиш намеренно выдержал паузу, прикурил трубку, но никто из гостей не сказал ни слова, и он продолжил:

– Викерс был очень болен, а я навещал их так часто, что уже мог позволить себе приходить и уходить когда заблагорассудится. Когда я пришел к ним в тот день, для меня не было секретом, что Викерс в его состоянии находится буквально на пороге смерти. Однако я своими ушами слышал, как доктор сказал, что, если не случится ничего нежелательного, например сквозняка в комнате или вдруг погаснет огонь в камине, то еще остается надежда на то, что больной выздоровеет.

В общем, в тот день я пришел, чтобы поздравить Эльфриду с таким, возможно, благоприятным исходом болезни мужа. Тихо, не постучав, толкнул дверь в комнату Викерса, ожидая, что меня встретит волна теплого воздуха.

Дверь была занавешена изнутри плотными занавесками так, чтобы внезапный сквозняк не мог добраться до постели больного. То есть занавески были не только плотными, но их еще и утяжелили по нижнему краю. И при всем этом, когда я шагнул за порог, они свободно раскачивались. Я тут же, не желая вызвать сквозняка, быстро закрыл за собой дверь и, раздвинув занавески, прошел в комнату.

Викерс едва дышал, одеяло было сброшено с его широкой груди, и прямо на него из открытого окна обрушивались волны холодного сырого воздуха. Эльфрида была там. Она стояла лицом к окну и смотрела на площадь перед домом. Стояла с прямой спиной и высоко поднятой головой, как солдат перед решающей битвой...

Фиш умолк, откинулся в кресле и обхватил руками колени, а его гости молчали и не спускали с него глаз.

– И ты, – сказал один из гостей, и голос его прозвучал как-то неестественно, почти механически, – ты ушел, не сказав ни слова?

– Да, – признался Фиш. – Я не сказал ни слова, и она так и не узнала, что я там был.

Последовала еще одна пауза, и Фиш продолжил:

– После я видел ее только на его похоронах. Осмелюсь предположить, что вы помните, какое это было экстраординарное и в своем роде прекрасное событие.

Тут Фиш понизил голос чуть ли не до шепота. Припоминая, как это было, он начал раскачиваться взад-вперед в своем большом кресле. Учитывая обстоятельства, этими движениями горбатый поэт выставил себя гротескным персонажем.

– Но при всем этом было в тех похоронах нечто от варварства, – сказал Фиш, когда уже никто из его гостей не ожидал, что он продолжит повествование. – Варварство многим внушает ужас, так что люди такого рода нашли похороны Викерса, в смысле как событие, вульгарными и претензионными. Но я ответственно вам заявляю: это было прекрасно! Мрак, ужас и красота – похороны бога.

Огромный, раскрытый всем ветрам дом, открытый гроб, великолепный покров на гробе... Все это было, как я уже сказал, величественно, по-варварски благолепно. Нашлись глупцы, которые, ничего не поняв, стали винить Эльфриду, говоря, что она, мол, превратила уход, то есть смерть, в шоу. Я за такое их всех своими руками передубил бы. Если Эльфрида и устроила из похорон шоу, то только потому, что хотела почтить умершего. Ей чужды мелочность и всякие мысли о личной популярности. Она оплакивала усопшего мужа на похоронах и так же искренне горевала о нем после. Ее скорбь была всепоглощающей, леденящей, от такой скорби плакальщицы обращаются в камень. Ни одна женщина не любила так сильно, как Эльфрида, и ни одна не скорбела так, как она.

– Не пойму, почему ты пришел к подобному выводу, – засомневался Мейер. – Ведь, судя по тому, что ты нам рассказал, она...

Фиш не дал ему договорить.

– Ее скорбь была неподдельной! – воскликнул он, сверкая черными глазами. – Эльфрида оплакивала мужа, мужчину, которому являлась женой. Если бы она позволила себе мыслить здраво, если бы приняла реальность, она оплакала бы его спустя неделю после их свадьбы. Да, его тело должно было умереть, прежде чем она позволила себе принять тот факт, что он уже мертв.

– Или что этот мужчина был пустышкой, его просто не существовало в ее мире!

Фиш вежливо улыбнулся.

– Не совсем так, – возразил он. – В день их знакомства, когда она впервые его увидела, он стал реальным мужчиной, то есть обрел плоть и кровь в ее мире. О, ее скорбь была неподдельной, такой же искренней, как и ее любовь! А в тот день, когда я подошел к ней, она сидела в этой большой, погруженной в полумрак комнате, а все вокруг были заняты подготовкой к похоронам. Помню, она посмотрела на меня снизу вверх, и лицо ее в тот момент отражало такую глубокую и, позволю себе сказать, возвышенную скорбь, что я даже лишился дара речи; почувствовал себя мелким человечком, червячком, неспособным испытать и десятой доли того, что испытывает она. Принялся бормотать что-то о Викерсе, каким его помнил, и, бормоча, заметил, что глаза Эльфриды стали как будто темнее. Она, выслушав все это, просто посмот-

рела на меня, честно так посмотрела и сказала: «Викерс был королем, выше его никого не было. Он был моим мужем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.